

держит экзамен. Как бы я рад был, если бы мамаша сделала ей костюм несколько получше, чем прошлого и третьего года в Павловске».

Его заботят такие подробности, в какие вникает не всякий отец. И через несколько месяцев, назначая из Женева упомянутой «мамаше» сто рублей, он настоятельно просит «10 р. употребить (для костюма и проч.) на Катю». Мысль о неудачном наряде, по-видимому, все еще волнует его.

Изо всех детей Михайла Михайловича Катя наиболее близко сходится с новой семьей дяди. Анна Григорьевна вспоминает ее как «прехорошенькую девочку лет пятнадцати с прекрасными черными глазами и двумя длинными белокурыми косами за спиной», которая зимой 1867 г. – в первые месяцы их брака – едва ли не каждое утро забегает к молодой чете, благо живет по соседству. Ей, очевидно, нравится Анна Григорьевна, которая старше ее всего на семь лет. Не исключено, что она поступает на стенографические курсы, следуя примеру последней.

Ее жизнь переломится в семидесятые годы, когда она встретит В.А. Манассеина – крупного ученого, профессора Военно-медицинской академии и основателя журнала «Врач». Разница в возрасте у них не столь велика – двенадцать лет, но профессор, увы, не свободен. Бросившая его жена тем не менее не дает ему развода. (Случай нередкий: вспомним судьбу В.В. Розанова, прижившего детей в *незаконном браке*, ибо ушедшая от него А.П. Сулова не пожелала освободить его от формальных уз.) Современники характеризуют В.А. Манассеина как человека сильного духом, называют его «общественной совестью», говорят о необыкновенной чистоте их с Екатериной Михайловной отношений. Она прожила с ним в гражданском браке до самой его смерти в 1901 г. – более двадцати лет, пользуясь неизменным уважением его многочисленных коллег и знакомых.

Надо признать, что этого чувства не разделял Достоевский. Его дочь уверяет, что отец «рыдал как ребенок», узнав «о позоре» своей племянницы, и что он запретил своим домашним «поддерживать какие-то бы ни было отношения с виновной».

По обыкновению не сгущает ли Любовь Федоровна краски?

Достоевский не был ни ханжой, ни лицемером. Ведь не рыдал же он от того, что Аполлинария Сулова, презрев условности, отдалась ему, своему первому мужчине, как раз в тот момент, когда он пребывал в законном супружестве. Его не остановила разница в годах между ним и Суловой – значительно большая, нежели у Е.М. Достоевской с Манассеиным. Конечно, в случае с Екатериной Михайловной была задета семейная честь: за неимением отца Достоевский как бы вменял себе в обязанность блюсти интересы племянницы. Допустим, ему по каким-то причинам мог не нравиться Манассеин; он мог полагать, что тот воспользовался неискუшенностью молодой девушки и союз их будет недолгим. Но ведь не воображал же он в самом деле племянницу Варенькой Доброселовой, Настасьей Филипповной, Грушенькой или, упаси бог, Сонечкой Мармеладовой! Но даже в таком случае он мог бы быть благосклоннее.

Впрочем, это была позиция семьи. Через много лет другой дядя Екатерины, Андрей Михайлович, с горестью скажет, что все Достоевские «крайне виноваты» перед своей «милой, доброй и симпатичной», но подвергнутой семейному ostrакизму родственницей. «Мы отвернулись от нее как от прокаженной! – с чувством восклицает брат Достоевского, чьи мемуары, вышедшие в 1930 г., Екатерина Михайловна теоретически еще могла прочитать. – Отвернулись все, начиная с главы фамилии Ф.М. Достоевского, который при всем своем уме и гениальности сильно ошибался в своих на это воззрениях».

Ближайшим родственникам приходится верить. Но вот что интересно. В письме к брату Николаю от 6 декабря 1879 г. Достоевский сообщает, что был «с месяц тому у Катерины Михайловны». Исследователи давно